

ОТОМСТИ НЕМЦАМ ЗА НАШИ СЛЕЗЫ!

Нет. Такого еще не видел мир. Убивать мать с грудным ребенком на руках, расстреливать родителей на глазах у детей — такой жестокости не знали даже дикари. Это могут делать только «цивилизованные» убийцы, непревзойденные палачи-садисты — немецкие фашисты. Ниже мы печатаем письма ребят из детских домов нашей области о жутких преступлениях немецких оккупантов. Вспомните! Прочти их. Перед тобой сейчас стоят убийцы женщин и детей. Беспощадно истребляй немцев. Мсти фашистам за слезы детей, за их искалеченное детство.

ХУЖЕ ЗВЕРЕЙ ЛЮТЫХ

Я не могу спокойно писать. Слезы застилают мне глаза. Я хочу собственными руками уничтожить страшных вбесившихся псов. Немецкие палачи расстреляли моего отца, мать, восемнадцатилетнего брата и двух сестер отца с маленьким ребенком. Каким-то чудом спаслась я и мой шестилетний братишка Коля.

Я много слышала и читала о диких зверях, но таких лютых, как немцы, на нашей земле не бывало. Они растерзали не только мою семью. Ими уничтожены весь Иницицкий, Машинский, Дьяковский сельсоветы, Суджанского района. Даже ни в чем неповинных

детей они рубили, накалывали на штыки, бросали в колодези. Бровь и муки погибших призывают к мести. Я пошла к народным мстителям. В партизанском отряде у нас много девушек. Каждая из нас в любую минуту готова отдать жизнь за родину, за Сталина.

Недавно я видела братишку Колю. Очень рада, что он опять здоровел, обул, одет, словно у родной мамы. В детдоме ему хорошо. Если бы вы знали, дорогие друзья, как забота о детях воодушевляет наших бойцов на боевые дела.

Партизанка Е.

Коля Исаенко. Немцы расстреляли его отца, мать и брата.

Фото В. Строева.

ПАПА, БЕЙ КРЕПЧЕ НЕМЦА!

Было это зимой. Однажды вечером пришел к нам полицейский и сказал маме:

«Тебя к школе требуют». Мама только что помылась. Полицейский заметил и стал смеяться:

«А! Ты была в бане?! Как раз во-время. Ну, одевайся». Бабушка хотела дать ей покусать, но он опять засмеялся: «Там накарият». И увел мамку.

На утро староста заявил бабушке:

— За то, что твоя дочь пекла хлеб партизанам, ее расстреляли. Хоронить не смейте — комендант запретил!

Пошли мы с бабушкой в школу, а там лежит наша мама, уже окоченевшая, и с нею еще несколько человек.

Красная Армия стала здорово бить немца. И когда наши были совсем близко, по хатам ходил немец и приказывал всем уходить из хутора. Бабушка плакала и просила: «Куда же я с тремя пойду? Оставь нас на месте». Но немец закричал, схватил Колю и Васю и выбросил их на улицу. Пошли мы как были, без вещей и без хлеба.

В деревне Девятино нас догнала Красная Армия. Я и радовалась, и в то же время мне было обидно, что не встретила своего папу.

Панка, ведь ты жив, да? Слышишь свою маленькую Марусяку? Бей немцев, бей за маму, бей за меня, за своих сыночков, за всех маленьких ребят, оставшихся без матерей и отцов.

Маруся ЗУБАРЕВА, 8 лет.

цы подожгли здания сельсовета и все мертвые и раненые сгорели. На утро пришла Красная Армия. В этом селе немцы расстреляли 360 жителей.

Вот что делали немцы с нашими родителями. Пусть знают фашисты, что мы, ребята, этого никогда не забудем, где только можно мы будем мстить ненавистным убийцам.

Мы знаем, как тяжело сейчас нашей родине. Но, несмотря на это, нам, сиротам, уделено много заботы. Мы сыты, обуты, одеты, снабжены

МАМУ УВЕЛИ ФАШИСТЫ

Полицейск искали в нашей деревне партизан. И к нам пришли. Я с мальчиком Колей в угол заперта.

— Партизан? — спросили у папы.

— Нет, не партизан, — говорит он.

Тогда один как размахнется, да ударит папу по щеке, а другой по шапке. И маму били и сестру Катю били.

Когда ушли немцы, папка велел собрать вещи в мешок.

— Лучше я немца убью, чем он меня, — сказал отец, и ушел к партизанам. За ним побежала и Катя.

Немцы еще больше рассердились. Застрелили нашу телушку в стаде, хату сожгли, корову отняли. Стали мы жить с мамой у соседей. Жалко ее было, она все плакала.

Немцы злые, а партизан боятся, везде они им мерещутся. В деревне страшно было. Раз зажгли сарай, а там люди кричат. Я прятался от полицейских, чтобы и меня в колодезь не бросили, как других ребят.

А потом пришли за мамой. Побили ее и увели. Я плакал, но пускал, а ее все равно увели и больше она не приходила.

Володя КАНИЦЕВ, 9 лет.

ОГРАБЛЕННЫЕ ДЕТСТВОМ

Хилые дети навстречу нам вышли. Стали за рваной оконной мезой.

— Страшно давил нас германец,

а выжили, —

Хмуро, по — взрослому молвил

меньшой. —

В нашей хатенке — да вон

непелище! —

Деда слепого сналили живьем.

Там и сестренки — костей не

отыщешь,

Нынче, как мыши, в подвалах

живем.

Хлебushка мало — едим с лебедю.

Много стояло у нас солдатик.

Крепко сбавались с горем-бедою

Только и радости нашей, что вы.

Из сердца не вырвался,

обуглился крик:

— Да ты ли ребенок?

Да это ж старик!

Мой друг поначинался, бледнея:

— Постой! —

Ему показалось, что мальчик седой.

Так может быть это страшнейший

из снов?

Так вот из дороге пролетая

кровь!

Так тысячи ж тысяч немецких

смертей

За этих ограбленных детством

детей!

БОГДАН ЧАЛЫЙ.

учебниками, а ведь нас очень, очень много. Жители сами привозят нам продукты, одежду, обувь. Работники суджанской артели «Ткачиха» работали в дни отдыха, чтобы во-времяшить нам белье и платья. В горсовет поступило несколько тысяч рублей добровольных пожертвований для детей-сирот. Мы этого тоже никогда не забудем. Как только чуть подрастем и подучимся, тысячу раз постараемся отблагодарить любимую родину и дорогого Носифа Виссароновича Сталина за заботу.

Отцы и братья, о нас не беспокойтесь. Слышите, как о нас заботятся? Скорей гоните немцев из нашей Родины. Вас ждет много, много несчастных ребят на захваченной немцами земле.

КОЛЯ ИСАЕНКО, МАРУСЯ КОЗЛОВА, ВАСЯ ВОРОБЬЕВ, СВЕТЛАНА ЛОБОВА, МАРУСЯ ПОРЕЧНАЯ, МАРУСЯ НЕСТЕРЕНКО, ШУРА КОЗЛОВ.

У МЕНЯ НЕТ ТЕПЕРЬ СЕМЬИ...

К нам в село немцы пришли ночью. Прижались мы с братишкой Федей к матери и ждали, что будет.

Чуть рассвело, послышался стук —

это немецкий солдат уводил из хле-

ва овечку. У соседей забрали корову, кур. Не было ни одной хаты,

где бы ни побывали немцы и откуда бы они ушли с пустыми руками.

Каждый день немцы что-нибудь у нас забирали. Хозяйство разрушалось...

Староста указывал на маму: «Она была еврейской. Много работала для советской власти, пусть теперь для германской армии поработает».

Но ни мама, ни я не работали на немцев.

В этом году зимой мы почувствовали, что у немцев дела плохи и что наши близко. Фашисты забирали в соседних селах последний скот.

Гнали его мимо нас вместе с женщинами, детьми и стариками. Кто не хотел идти, расстреливали на месте. Так, в деревне Гавриловка убили 30 человек, среди которых была женщина с двумя детьми.

Долгая очередь и до нас. Немцы собрали всех жителей и приказали нам уйти из родной деревни. Ни вещей, ни хлеба брать не разрешили. Итти с ними никто не хотел.

Мать сказала: «Мучились мы, ждали своих... Вот они, наши родные, близко, за бугром. Не пойду с собаками». Братишку, который не хотел идти с немцами и спрятался, немец избил прикладом и повел за собой. Мы с мамой побежали в лес.

Но гад выстрелил, мама упала, обливаясь кровью. Как-то обидно было домой. Вокруг горели избы нашей деревни. Заперлась я в хате.

Смотрю в окно: подошел немец и поджег на крыше солому. Дым стал пробиваться в горницу, мама задыхалась. Тогда я выломала раму, вытаскала во двор мать, легла рядом с ней и зашлакала. Не знаю, долго ли я пролежала, только когда подняла голову, увидела: над мамой наклонился командир и успокаивает: «Не оставим Катю, а Федю освободим»...

Мама вскоре умерла, Федя убежал от немцев, пришел домой и с оставшимися ребятами убил двух спрятавшихся немцев.

Отняли немцы у нас все — и маму, и дом, и хозяйство.

КАТЯ ПУДОВА.

14 лет, из дер. Толмачово, Кореньевского района, Курской области.

СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Как сейчас помню зимний, тихий вечер. Спускались сумерки. Мать собрала на стол скудный ужин. Вдруг за окном послышался скрип снега. Глянула я в окно и вижу: мимо по дороге идет много немцев. Несколько человек свернули к нашей одинокой сторожевой будке.

— Мама, немцы! — крикнула я.

Все насторожались. Вошло 10 солдат. Змейными взглядами обшарили комнату. Один из них молча достал из горячей печи головешки, одну бросил на подушку, другую на сундук. Затрещали от жара перья, побежали красные языки по одежде. Мать бросилась тушить. Но крик немца остановил мать. Нам приказали выйти.

Мама шла первой, следом сестра Дуся. За ними немец, за немцем я. Отца оставили в хате. Только вышли во двор, немец выстрелил. Оглушенная, я упала у крыльца, но заметила, как падали во дворе мама

с Душей. Я решила, что они притворились убитыми и сама примолкла. Немец вернулся в дом, вывел во двор отца. И тут я увидела самое страшное. Очередью из автомата отцу отсекло голову. Дальше было все, как в тумане. Помню лишь, что разулась, чтобы не слышно перелезая в другому зданию и спрятаться под крыльцо. Знаю, что в меня стреляли, слышала стоны матери, взрывы, пламя, шум.

Когда немцы стихли и ушли, проклятые фашисты, я вышла и подошла к мамашинке. Она лежала мертвая с простреленными грудью и головой, рядом с ней лежала Дуся, а у сгоревшего сарая, обгоревший труп отца. Не помня себя я бросилась бежать в село, к людям, а добежав, упала.

Люди похоронили моих родных. Я осталась одна.

Нина СКЛЯРОВА, 14 лет.

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ!

Мы — воспитанники суджанского детского дома. Еще недавно у нас были отцы, матери, братья, сестры, а теперь все мы сироты. У многих отцы на фронте, а матерей нет почти ни у кого. Мы хорошо знаем, что висит в нашем горе, в нашем сиротстве. Нас обездолили немцы.

Это они застрелили папу, маму и брата Колю Исаенко. Неразговорчивый он у нас стал, хмурый какой-то, всех сторонится. Только когда сестра его ушла на фронт, он сказал:

— Ну, если они и Катю мою убьют... и сжар кулаки.

Многие из нас видели такое, о чем рассказывать даже страшно. За три дня до прихода Красной Армии в село Веселовка мама Шуры Мирошниченко умерла от голода. Соседи боялись в эти дни ходить по селу и Шура с трехлетней сестренкой Нюрой, обессиленные голодом не могли выйти на улицу, а их полутрагический братик Петя

два дня сосал грудь мертвой матери. Мальчика нашли у мертвой матери только тогда, когда пришла в село Красная Армия. Папа Шуры красноармеец.

А вот что фашисты сделали с родными Зайцевых Наташи, Рая, Леша и Витя.

Всех их вместе с матерью, бабушкой и другими загнали в помещение Иницицкого сельсовета. Немец наставил автомат и всех перестрелял. Витя был на руках у матери. Истекая кровью, она прикрыла его своей рукой, а потом к ним приползла раненая бабушка и прикрыла Витю собой. Наташа, Рая и Леша спаслись за печкой. Они прятались, и немцы их не видели. Когда убийцы ушли, Наташа перетаскала ребят через окно в погреб. Хорошо еще, что Витя как раз в это время заплакал — Наташа и его спасла. А как только стемнело, нем-